

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ

*(Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. вед.»
и № 66 «Нашего времени»)*

Обвиняют так называемых «свистунов» в высовывании языка. Я не видал, как они это делают, но, должно быть, у них выходит недурно. Я рассуждаю так потому, что «свистуны» народ молодой, веселый, добродушный, следовательно, если и высовывают языки, то именно тем, кому следует, и тогда, когда следует. Притом же и языки у них востренькие, чистенькие, как есть человеческие языки. Видеть такие языки даже приятно.

Но представьте себе, что перед вами неожиданно высовывает язык будочник; представьте себе, что язык старый, желтый, распухший, покрытый

321

слизью; представьте себе, что будочник злой и остервенелый, что он озлился именно вследствие того, что не имеет возможности отойти от своей будки, и высовывает язык всему, что ходит на свободе, что не приковано к будке... Какое чувство должно возбудить подобное высовывание языка? Где найти объяснение этому высовыванию? посредством какого рода самодеятельных умозаключений самодеятельная будочникова душа допустила язык сделать такую штуку? Не знаю, как в ком, а во мне подобное явление пробуждает только чувство сожаления. Одаренный от природы достаточным воображением, я в состоянии представить себе довольно живо ту досаду, которая должна накопиться в будочнике при мысли о том, что вот народ божий и идет, и едет куда кому

надобно, и руками болтает, и вообще держит себя более или менее непринужденно, и один он, злосчастный будочник, не имеет права гулять, ни руками болтать, а должен стоять смиренно и держать в руках алебарду. Я понимаю, что высовывание языка означает здесь вовсе не обиду мне, проходящему и ничем не обидевшему его лицу, а просто ропот самодеятельной души на всеильную судьбу. Я воображаю и понимаю все это, и за всем тем все-таки отворачиваюсь — так противен для меня желтый, распухший, покрытый слизью будочнический язык!

Но это чувство гадливости принимает во мне совсем иные размеры, когда я вижу, что роль будочника добровольно берет на себя человек, которого никто не заставляет быть будочником, и когда этот мрачный будочник-самозванец до того входит в свою роль, что сам себя приковывает к своей будке, сам по этому случаю приходит в озлобление и начинает высовывать язык всему, что не приурочило себя к будке, что чувствует себя настолько свободным, насколько это возможно в благоустроенном государстве. Приходя мало-помалу в какой-то хладно-остервенелый энтузиазм, будочник-самозванец высовывает язык не только настоящему, но высовывает его прошедшему, высовывает будущему... нет той области, которая могла бы освободиться от этого высовыванья, нет той человеческой души, в которой ужасный будочник не замыслил бы сделать полицейский обыск! Какое чувство может возбудить подобное явление? не знаю, как в ком, а во мне оно производит омерзение...

Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества¹²⁷. Как и следовало ожидать, первый пример подала Москва — золотые маковки, устроившая очень ходко два частных дома, из которых литературное будочничество отпускается оптом и в розницу

за весьма дешевую цену; за нею поспешил последовать и Петербург, в котором также появилось несколько будок, но это будки скверные, презренные, о которых не стоит и говорить, потому что торговля, в них производящаяся, едва-едва дает на хлеб будочникам¹²⁸. Петербургские литературные будочники ходят в сермягах и высовывают язык, собственно, в подражание тем нищим, которые показывают прохожим изуродованные руки и ноги, чтобы возбудить отвращение и выманить копеечку.

Все эти литераторы-будочники защищают какие-то принципы, приносят себя кому-то в жертву, перед кем-то изъясняются в любви. То пустятся в глумление, то зальются лаем против мнимых врагов, то начнут сантиментальничать

322

с мнимыми союзниками. Но как ни усиливаются они возвыситься до ругательного лиризма, как ни стараются умягчить свои сердца до лести даже тому, что в действительности составляет предмет их ненависти, однако и сквозь лай, и сквозь сантиментальничанье все-таки сочтется одна нота — нота пошлого, напускного глумления. Это единственно естественная форма для выражения всех их мыслей и чувствований; на ней они должны и остановиться.

Но будемте говорить серьезно, господа будочники! Вы охотно производите обыск и в душах людей, вам не единомысленных, позвольте же произвести обыск и в ваших душах. Нет сомнения, что вы защищаете принцип справедливый (кто же имеет право усомниться в этом?), но как вы это делаете? Вы делаете это самым неловким,

самым враждебным для принципа образом. Прежде всего, вы полагаете, что здесь достаточно одной злобы, но ведь сплошная злоба не убеждает, а напротив того, производит одно отвращение. И еще вы прибегаете к хвастовству, но ведь и хвастовство разве убедительно?.. и какое хвастовство, какое гнусное, подкаретное хвастовство! Когда читаешь эти злобно–бесстыже–хвастливые выходки, делается стыдно за вас, делается страшно за то дело, которого защиту вы приняли на себя. Что такое? что такое? — спрашиваешь себя в изумлении и невольно приходишь к заключению, что вы первые враги того дела, что вы намеренно взялись за него, чтобы подкопаться и обесчестить!

«Вот тебе и «братцы, братцы, поцелуйтесь»! Вот тебе и «божественная Оливинска»! И ништо!»¹²⁹ — восклицает какой–то веселый будочник. «Моя личность наводит панический страх»¹³⁰, — повествует другой будочник характера мрачного. — По поводу чего вы так расплясались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь?¹³¹ Подписчиков, что ли, вам это прибавляет?»

Есть люди, которые даже к великим событиям и великим принципам не могут относиться иначе, как с точки зрения своих маленьких, карманных интересов. Это мошки, которые роями вьются около живого организма, чтобы напиться кровью. Они изо всех сил жужжат, что поражают врагов живого организма, но, в сущности, поражают лишь самый организм. Это глашатаи ненависти, это сеятели междоусобий, это люди, которых должно остерегаться, ибо с помощью их никогда никакое дело покончено быть не может, ибо у них всегда наготове какая–нибудь застарелая вражда, какой–нибудь давно забытый, но не разьясненный счет.

Усердные пропагандисты стачек, всегда готовые на всякого рода соглашения с тем, что обещает им выгоду, эти люди не понимают только одного рода стачки — стачки с добром.

Это целый особый мир. Как смотрят эти люди на свет божий? какие у них знакомые? Питаются ли они хлебом и мясом или пожирают мышьяк? Пьют ли они вино и воду или безвредно утоляют жажду синильною кислотой? Все это вопросы любопытные, которых разрешение сделало бы честь любому естествоиспытателю.